

ПРОБЛЕМА «ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ» В ОБСЕРВАЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ А.М. ПЯТИГОРСКОГО

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

Статья является рефлексией над небольшим фрагментом «Мышления и наблюдения»¹ А.М. Пятигорского. Поводом для обращения к этому тексту послужили размышления о необходимости реактуализации проблемы «язык и мышление» в контексте так называемой философии языка. Знакомство же с философствованием А.М. Пятигорского заставило задуматься о том, что мы еще не подошли к тому уровню мышления о языке и о самом мышлении, который позволил бы квалифицированно и компетентно говорить обо всем этом. Представляется, что в приводимом ниже отрывке Пятигорского и содержится ключ к пониманию нашей неподготовленности к осмыслению главной проблемы философии языка и, соответственно, эфемерности самой философии языка (в ее современном состоянии). А.М. Пятигорский (1929–2009) – самый интересный, на наш субъективный взгляд, философ второй половины XX – начала XXI вв. (постольку, поскольку категория «интересности» в данном контексте включает в себя глубину, содержательность, необычность, ярчайшую самопознавательную интенцию, интеллектуальное очарование и т.п.). Любые другие характеристики личности Пятигорского в качестве предварения его рассуждения по поводу «языка – мышления» оказались бы настолько тривиальными, что лучше их опустить. Поэтому перейдем к текстуальной конкретике.

Приведем полностью интересующий нас фрагмент: «Тема “язык и мышление”, как тема (и проблема) науки, является одним из элементарных и наиболее *вырожденных* случаев редукционистского подхода и по определению не может входить в предмет обсервационной философии, хотя некоторые идеи в теории языка могли бы найти свое место в одной из возможных теорий мышления (говоря о таких идеях, я, разумеется, прежде всего, имею в виду идею фонологии – от Крушевского, Боуэна де Куртенэ и Трубецкого до Якобсона, Халле и Юэнь Жень Жао). Резон для «избегания» этой темы в обсервационной философии вполне ясен: в качестве объекта, наблюдаемого как мышление, язык остается только в своем «нефеноменальном» аспекте и интерпретируется лишь в объектно-содержательном плане, где язык может соотноситься с содержаниями и структурами сознания, и только *через* сознание (то есть в порядке вторичных, третичных и так далее интерпретаций) – с мышлением в эпифеноменальности и триаспектности последнего. Иначе говоря, для нас тема «язык и мышление» имеет смысл, только если мы имеем дело с уже *де-феноменилизованным* языком и *де-психологизированным* мышлением»².

Что же здесь А.М. называет редукционистским подходом?

Проблема «язык и мышление» впервые была осознана как проблема Вильгельмом фон Гумбольдтом³. (В дальнейшем персоналии будут возникать как некие вехи на пути осмысления проблемы.) Гумбольдт называет язык органом, образующим мысль. Мышление вне языкового выражения признается возможным, но практически неявным, не оставляющим следствий. Оно актуализируется в речи посредством звука. Вследствие этого, Гумбольдт рассматривает мышление и речь как единое целое. Связь мышления со звуками языка, с артикуляцией представляется необходимостью. Мысль достигает своей завершенности и ясности, своей актуальности только в артикуляции (и, вторично, в письменности). Представление становится понятием только благодаря языку, речевой деятельности. Язык оказывается также обязательной предпосылкой мышления. Речевая деятельность и понимание всегда являются соединением индивидуального восприятия и общей, социальной природы человека. Такой, гумбольдтовский, подход к проблеме «язык и мышление» длительное время оставался самым влиятельным в языкознании и философии языка. Эмиль Бенвенист считал, что мышление всегда и в любом случае находит свое выражение в языке. Языковая форма — не только условие передачи мысли, но в первую очередь условие ее реализации. Постигается только мысль, выраженная в языке. Вне языка существуют только неосознаваемые импульсы, находящие себе выражение в жестах, мимике и других экстралингвистических факторах. Также следует обратить внимание на несимметричность отношения языка и мышления у Бенвениста. Язык не является только формой мысли. Язык может быть описан вне связи с мышлением, мышление же не может характеризоваться вне языка. Бенвенист оспаривает античную традицию представления мышления как чего-то первичного по отношению к языку. Он связывает характер древнегреческой философии, ее основные онтологические категории с особенностями древнегреческого языка. Логика Аристотеля, с точки зрения французского лингвиста, оказывается своеобразным упрощением древнегреческого синтаксиса. Не существует категорий мышления, есть лишь языковые категории. Неприемлемой оказывается мысль о языке как орудии мысли, так же как и положение о том, что внутренняя логика мышления как-то отражается в языковых структурах. Возможность мышления неотъемлема от языковой способности. Язык — структура, несущая значение, а мышление — оперирование знаками языка. Леонард Блумфилд приравнивал мышление к так называемому говорению с самим собой. Речевые акты (включая мышление) рассматривались в качестве посредников между практическим стимулом и практической реакцией (в духе бихевиоризма). Эдвард Сепир определял мышление с точки зрения языка как потенциальное содержание речи. Язык и мышление не совпадают. Язык можно считать ограничением мышления на наиболее обобщенном уровне символического выражения. Бенджамен Уорф писал о детерминации мышления языком. Филипп Федорович Фортунатов говорил о языке как орудии мышления, подчеркивая при этом, что не только язык

зависит от мышления, но и наоборот. Об этой мысли часто вспоминал Роман Осипович Якобсон, указывая на свою генетическую принадлежность к Московской лингвистической школе. В 1968 г. выходит в свет книга Ноама Хомского «Язык и мышление». Во многом возвращаясь к Гумбольдту, Хомский говорит о том, что исследование языка может послужить благоприятной основой для изучения умственных процессов. Он даже полагает, что изучение языка должно занять центральное место в общей психологии, причем имелось в виду, что изучением мышления (умственной деятельности) также должна заниматься психология (не философия). И все это (от Гумбольдта до Хомского) Пятигорский называет «одним из элементарных и наиболее *вырожденных* случаев редукционистского подхода». Почему?

Во всех этих теориях и гипотезах мышление неизбежно редуцируется к языку и, как правило, к психике. Нигде мышление не берется в чистом виде, как таковое, а только в связке (неотрефлексированной) с языковой (дискурсивной) выразительностью и психическим эмпиризмом. Очень часто связь мышления с языком и психикой постулируется и понимается как нечто само собой разумеющееся. А философия мышления, по Пятигорскому, начинается с размышления о возможности наблюдения мышления. Речь идет о рефлексии, т.е. мышлении о мышлении. В обсервационной (наблюдательной или наблюдающей) философии Пятигорского мышление вводится как эпифеномен рефлексии. Именно в рефлексии (мышлении о мышлении) мышление становится объектом и содержанием сознания. И только будучи отрефлексированным должным образом [как чистое мышление (с гипотетической позиции внешнего наблюдателя, искусственно сконструированной)], мышление может быть соотнесено как с языком, так и с психикой. Итак, в обсервационной философии нет места для рассмотрения проблемы «язык и мышление», но в возможной теории мышления могут быть использованы некоторые идеи теории языка. Пятигорский подчеркивает, что он имеет в виду (только) идею фонологии.

Идея фонологии появляется у Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ⁴. В своем разделении фонологии (или фонетики) на антропофонику и психофонику он видит назначение первой в изучении собственно звукового (фонетического) состава языка в физиологическом (артикуляционном) и физическом (акустическом) аспектах, второй же — в изучении фонетических представлений в психике. Именно психофонику стали впоследствии именовать фонологией. Минимальной единицей психофонетики (фонологии) у Бодуэна де Куртенэ является фонема. Фонему он определяет как представление о звуке человеческой речи («антропофоническое» в авторской терминологии), отличающееся признаками однородности и неделимости (в языковом отношении). Это представление (фонема) возникает на основе впечатлений от произношения одного и того же звука. Таким образом, фонема является представлением о звуковом инварианте, по отношению к которому конкретные звуки

будут вариантами. Так, звук [а] каждый раз произносится по-разному, но фонема /а/ неизменна, инвариантна, поскольку есть представление, играющее звукоразличительную роль и позволяющее отличить данный звук от других звуков. Звуки произносятся и воспринимаются, фонема — представляется. Звук также может представляться, но в представлении он обязательно соотносится со своим родовым таксоном, т.е. фонемой. Надо сказать, что последователи Бодуэна де Куртенэ попытались освободить представления о фонеме от психологизма. Самоотождественность фонемы рассматривается как факт языковой структуры, безотносительно к сознанию и психике.

Фундаментальным исследованием в интересующей нас области являются «Основы фонологии» Н.С. Трубецкого⁵. Прежде всего, Трубецкой разграничивает фонетику и фонологию. Фонетика есть наука об означающем в речи, а фонология — в языке. В качестве методологической основы здесь берется разграничение языка как потенциальной системы и речи как актуализации этой системы у Фердинанда де Соссюра. Фонология, по Трубецкому, устанавливает, какие звуковые дифференциации связаны со смысловыми дифференциациями, каковы соотношения дифференциальных элементов, по каким правилам эти элементы складываются в слова. Фонолог абстрагируется от всех несущественных звуковых признаков, которых подавляющее большинство, т.е. тех, которые не играют смысло-различительной роли. Фонолога интересует только то в звуках, что имеет определенную функцию в системе языка (не речи). Если Бодуэн де Куртенэ и его ближайшие последователи подходили к проблеме психологически, рассматривали фонему как представление звука в психике, то Трубецкой и его последователи попытались абстрагироваться от психологизма, обращаясь к структурно-функциональному подходу (и формируя его). Участие тех или иных фонологических признаков в смысло-различении рассматривалось отчужденно от психики, сознания, восприятия, общения, т.е. исключительно объективистски. Надо иметь в виду, что смысло-различительная функция фонологии и фонемы (у Трубецкого) не единственная, хотя и важная. Выделяются также кульминативная (вершинообразующая), связанная с определением количества слов и словосочетаний в предложении, и делимитативная (разграничительная), связанная с определением границ между языковыми единицами. Трубецкой совершенно по-новому (по отношению к Бодуэну де Куртенэ) определяет фонему. Он определяет ее через такое важное понятие, судьбоносное для всей структурной лингвистики, как оппозиция. Какой-либо звуковой признак может приобрести смысло-различительную функцию, если он является членом какой-либо звуковой оппозиции. Звуковые оппозиции, на основе которых можно различать значения двух слов языка, называются фонологическими, фонологически-дистинктивными, или смысло-различительными оппозициями. Они противопоставлены фонологически несущественным оппозициям. Каждый элемент такой оппозиции является фонологической единицей,

т.е. бинарная оппозиция как бы предшествует смысловозначительному элементу. Минимальной дифференциальной единицей фонологии является фонема. Нетрудно заметить, что этот принцип (первичности отношений, выведения элементов из системы отношений) является теоретико-методологической основой структурализма как общегуманитарного подхода и своеобразной философии (от К. Леви-Строса до Вяч. Вс. Иванова). В своей итоговой книге Трубецкой рассматривает фонологическую систему языка в целом, обращая особое внимание на классификацию оппозиций, подчеркивая, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным содержанием в той степени, в какой система оппозиций обнаруживает определенную структуру.

Фонологическая концепция, созданная Трубецким, в дальнейшем развивалась Романом Осиповичем Jakobsonом. Именно Jakobson наиболее отчетливо сформулировал основной методологический принцип структуралистской фонологии. Он состоит в возможности сведения фонем к различным комбинациям бинарных дифференциальных признаков. Такова структуралистская редукция фонемы. Фонема есть комбинация дифференциальных признаков, из чего можно сделать вывод, что она всецело принадлежит языку описания, метаязыку лингвистики, хотя структуралисты, скорее, полагают, что дифференциальные признаки характеризуют некую абстрактную, потенциальную реальность (язык в сосюрловском понимании). Свою завершающую формулировку концепция фонологии получает в работе Jakobsonа «Введение в анализ речи: различительные признаки и их корреляты»⁶ (1952), написанную им в соавторстве с Моррисом Халле и Гуннаром Фантом. В этой работе фонема интерпретируется как «пучок дифференциальных признаков». На основании каждого признака происходит противопоставление одной фонемы другой. В каком-то смысле эта концептуальная система стала актуализацией сосюрловской структурной лингвистики, центральной идеей которой является описание языка через структурные свойства, через бинарные оппозиции. Но дифференциальные признаки (по Трубецкому—Jakobsonу) не сводятся к чисто структурным оппозициям, так как соотносятся с определенными акустическими значениями, т.е. физическими фактами (шаг в сторону эмпиризма). Важно заметить, что фонема как таковая редуцируется к набору структурных дифференциальных признаков, в отличие от соответствующих фонеме звуков, которые характеризуются другими признаками, не имеющими отношения к фонологии.

Что же представляет собой современная фонология?⁷ Возьмем за точку отсчета русскую фонологическую традицию, так как сама наука фонология имеет отечественное происхождение, восходя к Казанской лингвистической школе, непосредственно к И.А. Бодуэну де Куртенэ. В наше время в России конкурентно сосуществуют две фонологические школы — Московская и Петербургская. Различие в теории и методологии школ состоит

в фонологической интерпретации звуков, находящихся в слабой позиции⁸. В Московской школе речевой звук, находящийся в слабой позиции, возводится к своему фонемному инварианту, который определяется по возможной сильной позиции (например, в слове *вода* [вада] безударный гласный возводится к фонеме /o/ в соответствии с возможной сильной позицией в словоформе *вóды*). В Петербургской школе «слабый» звук возводится к фонеме, артикуляционно и акустически наиболее близкой к нему (безударный гласный в слове *вода* соотносится с фонемой /a/). Видимо, Московская школа все-таки доминирует, так как ведущие учебники написаны с позиции этой школы. Основным оппонентом Московской школы является Пражская фонологическая школа, восходящая к трудам Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона. С точки зрения Московской школы, фонема есть языковая единица, представленная множеством, классом звуков, соответствующих этой фонеме, актуализирующих ее в речи. В Пражской школе фонема — набор (сумма, «пучок») дифференциальных признаков. В некоторых американских фонологических школах единицей фонологии считается не фонема, а дифференциальный признак. В Пражской школе детально разработана теория и методология оппозиции фонем, дифференциальных признаков, а в Московской — теория и методология различных позиций, в которых могут выступать фонемы. Школы направлены на изучение двух разных функций фонемы — перцептивной и сигнификативной. Перцептивная (идентифицирующая) функция связана с механизмом отождествления в процессе восприятия речи одинаковых слов и морфем (например, слова *человек* в разных речевых конструкциях), а сигнификативная (смыслоразличительная) — с механизмом различения разных слов (например, в словах *бар — пар* различие смысла основано на дифференциации фонем /б/ — /п/, которые представлены звуками [б] — [п]; фонемы противопоставлены по признаку звонкости — глухости). Таким образом, перцептивная функция связана с узнаванием определенного звука через отнесение его к определенной фонеме — так же как мы узнаем то или иное растение или животное, относя его к некоторому таксону — классу, семейству, роду, виду. Даже если звук произнесен невнятно, мы по контексту можем догадаться, какой фонеме он соответствует, так же как если мы имеем дело с плохо сохранившимся экземпляром растения или животного в музейной коллекции, у нас все-таки есть возможность его идентифицировать. А сигнификативная функция заключается в противопоставлении узнаваемого звука другому звуку, соотносённому с ним по какому-либо признаку — так же, как узнавая то или иное растение или животное, мы осознаем его отличие от близких видов по ряду признаков; например, видя ворону, мы воспринимаем ее не только как ворону, но и как не-галку, не-ворона, не-сороку, не-грача и пр.). Здесь надо заметить, что у основателя фонологии Бодуэна де Куртенэ, который акцентировал внимание в основном на перцептивной функции фонемы, мы видим действительный интерес к перцепции, процессу восприятия, узнавания,

вообще, его интересует человеческий опыт. В дальнейшем, в процессе развития фонологии, мы видим поступательное угасание психологизма, и фонология становится достаточно абстрактной дисциплиной, особенно в пражском варианте. Так что мы, говоря об узнавании звуков на основании их соотношения с фонемами, как бы регрессируем к психологизму конца XIX—начала XX вв. У Бодуэна де Куртенэ фонема фигурирует как представление звука в психике, в современном же варианте Московской фонологической школы фонема определяется как минимальная (далее не членимая) языковая единица, представленная всем множеством звуков, соответствующих данной фонеме⁹. Очень важно также и то, что в современной отечественной языковедческой ситуации намечается тенденция к синтезу представлений о фонеме Московской и Пражской школ. «...**фонема** — двусторонняя языковая единица, ее *означающее* — множество звуков, находящихся в дополнительном распределении и чередующихся в фонетических позициях, ее *означаемое* — набор дифференциальных признаков, устанавливаемых на основе противопоставления данной фонемы другим фонемам; этот набор различен в сигнификативно сильных и слабых позициях»¹⁰. Здесь за основу берется соссюроевское определение знака как единства означающего и означаемого. Сам тот факт, что фонема представляется как нечто, состоящее из означающего и означаемого, говорит о том, что фонема, согласно данным представлениям, есть знак. Знак обязательно имеет план выражения (означающее). Но ведь фонема, в отличие от звука, не выражена в речи. В этом определении в качестве выражения (означающего) выступает класс звуков, соответствующих фонеме, т.е. некоторое множество. Следовательно, здесь идет речь о потенциальном выражении, возможности выражения. Означаемым же оказывается пресловутый набор («пучок») дифференциальных признаков. Думается, что данная концепция нуждается в дальнейшей семиотической проработке.

Но вернемся к главному вопросу — *как фонология может быть использована в возможности построения теории мышления?* Все разнообразие фонологических концепций так или иначе может быть сведено к различным возможностям и методологиям описания мышления о фонетике, звуковой стороне языка и речи. Фонология есть мышление о фонетике. В том, как мы мыслим о звуках речи, как мы мысленно представляем себе их, идентифицируя и различая, что имеет своим следствием отождествление и различение слов в речевом потоке и, соответственно, понимание их, несомненно, проявляются какие-то закономерности мышления как такового. Надо отдавать отчет в том, что не существует теории мышления (в отличие от философии мышления). Пятигорский был уверен в том, что теория мышления никогда не возникнет в психологии. Может быть, он был не прав... Он возлагал некоторые надежды на языкознание (в первую очередь, на фонологию). Попутно заметим, что, на наш взгляд, проект когнитивистики и раз-

говоры вокруг него являются неудачной попыткой построения теории мышления. Наверное, только после актуализации некоторых шагов в построении теории мышления можно будет относительно грамотно обсуждать проблему «язык и мышление». Но, как говорит Пятигорский, для этого в первую очередь надо дефеноменализировать язык (в контексте обсуждения проблемы) и депсихологизировать мышление.

Дефеноменализированный язык — это язык вне сферы выражения. Следовательно, это — вне- и до-семиотический язык (здесь мы как бы соглашаемся с тем, что язык не редуцируем к семиотической системе). С другой стороны, мы не можем отождествлять не-выраженный язык с мышлением о языке. Пятигорский нам подсказывает, что язык, взятый в своем нефеноменальном аспекте, есть не мышление о языке, а язык, наблюдаемый как мышление. Это и есть точка зрения, формируемая в обсервационной философии. Что бы ни наблюдалось в этой философии, оно наблюдается как мышление. В принципе любая вещь может наблюдаться как мышление. Но для этого необходимо осознание самой этой позиции в момент наблюдения, понимание того, что сейчас я наблюдаю нечто в качестве мышления. Собственно, формированию такой позиции и посвящены рассматриваемые лекции о мышлении и наблюдении.

Депсихологизированное мышление — мышление, освобожденное от психологического эмпиризма, очищенное от психики. Внеэмпиричность мышления — принципиальная позиция (конечно, вслед за Гуссерлем) Пятигорского и Мамардашвили. На наш взгляд, чрезвычайно уязвимая позиция. Но, с другой стороны, вполне естественная как реакция на крайне «неестественное» историческое видоизменение психологии после В. Вундта. Хотя, конечно, и Вундт попадает в поле феноменологической критики психологизма (для первых феноменологов вундтовская психология и была первичным объектом критики, для современных же выступает как некий анахронизм, не заслуживающий внимания и упоминания).

Итак, с точки зрения Пятигорского, мышление как таковое, рассматриваемое вне какой-либо связи с психикой (отличие мышления от психики — важнейший элемент обсервационной философии), может быть соотнесено с языком, наблюдаемым как мышление. Такова постановка проблемы. Думается, здесь кроются интересные и неожиданные перспективы как для философии мышления, так и для философии языка. Задачей настоящей статьи было вспомнить о возможности такой постановки проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. — Riga: Liepnieks & Ritups, 2002.

² Там же. С. 149.

³ Историю проблемы «язык и мышление» можно проследить по: Аллатов В.М. История лингвистических учений: учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2005.

- ⁴ Историю вопроса см.: Алпатов В.М. История лингвистических учений...
- ⁵ Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000.
- ⁶ Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 173–230.
- ⁷ См.: Современный русский литературный язык: учебник / П.А. Лекант, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, Л.П. Крысин / под ред. П.А. Леканта. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. С. 76–97.
- ⁸ Слабая позиция фонемы – ее неполная актуализация, ограниченность основных функций – перцептивной и сигнификативной. Перцепция здесь связана с опознаванием тех или иных слов и морфем (значимых единиц языка) на основе звучания, сигнификация – с различением, дифференциацией значащих единиц. Например, в слабых позициях (в разной степени) выступают все безударные гласные.
- ⁹ См.: Современный русский литературный язык. С. 80.
- ¹⁰ Там же. С. 96–97.

REFERENCES

- Alpatov V. History of linguistic theories: Textbook. Moscow, Languages of Slavic culture, 2005. 368 p. (in Russian).
- Piatigorskiy A. *Thinking and observation. Four lectures of Observational Philosophy*. Riga, Liepnieks and Ritups, 2002. 171 p. (in Russian).
- Modern Russian Literary Language: Textbook*. Moscow, AST-PRESS BOOK, 2013. 766 p. (in Russian).
- Trubetzkoy N. *Grundzuge der Phonologie*. Moscow, Aspect Press, 2000. 352 p. (Russian trans.).
- Jakobson R., Fant G., Halle M. *Preliminaries to speech analysis*. Vol. 2. Moscow, Linguistic News, Foreign Literature publishing, 1962. pp. 173-230 (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена мышлению и языку в философии А. Пятигорского. Проблема рассматривается в контексте истории лингвистических учений и истории фонологии. Работа может быть интересна философам, филологам и всем интересующимся вопросами изучения мышления.

Ключевые слова: мышление, наблюдение, язык, фонология, фонема.

Summary

The article is dedicated to the thinking and language in A. Piatigorski's philosophy. The issue is considered in the context of history of linguistic theories and history of phonology. The work may be interesting to philosophers, philologists and for anyone who is interested in the studying of thinking.

Keywords: thinking, observation, language, phonology, phoneme.